

3

НУМЕНИЙ ИЗ АПАМЕИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джон Диллон

1. НУМЕНИЙ. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И СОЧИНЕНИЯ¹

К сожалению, об этом замечательном философе мы знаем не больше, чем о двух других неопифагорейцах второго века н. э. – Модерате и Никомахе. Его имя связывается с процветающим городом Апамея в долине Оронт в северной Сирии. Тот факт, что наш философ не только родился в этом городе, но и жил и преподавал там, косвенно подтверждается тем, что последователь Плотина Амелий, ревностный поклонник Нумения, переехал жить в этот город незадолго до смерти Плотина (Порфирий, *Жизнь Плотина* 3). Вряд ли бы он поступил таким образом, если бы город не ассоциировался с Нумением сколь либо существенным образом. Не следует думать, что Нумений провел всю свою жизнь в Апамее, однако какого рода контакты он мог иметь с философами из Александрии и Афин, нам не известно. Иоанн Лид (*О месяцах* IV.80 = фр. 57d) загадочно называет его «Нумений римлянин», что может указывать на то, что Нумений преподавал в Риме и/или опубликовал там какую-то работу, известную Лиду.

Возможно, что два примечательных сравнения, которые употребляет Нумений в своем трактате *О неверности Академии Платону* (Фр. 24: «Платона разорвали как Пенфея» и фр. 25: «Аркесилай использует *eroshe* как защиту, наподобие того, как каракатица выпускает чернила»), которые используются и Аттиком в его атаке на Аристотеля, позаимствованы им у Нумения, тем более что работы эти написаны в одном жанре. Разумеется, оба эти сравнения у Аттика имеют иной смысл. В фр. 1.14 Baudry говорится, что Платон собирает крупницы философского знания из отдельных частей, как члены Пенфея, а Аристотель (фр. 7.77) прячется как каракатица за свое различие бессмертия души и бессмертия ума. Однако, поскольку ни одно из этих сравнений не

¹ Несколько сокращенный и исправленный фрагмент из книги Джона Диллона (2002, 345–350, 364–365). Перепечатывается с разрешения автора.

встречается в литературе до Нумения, вполне возможно, что Атик использовал именно этот источник, тем более что ученик Атика Гарпократион, как известно, увлекался Нумением, что еще более увеличивает вероятность того, что и самому Атику работы Нумения были известны.

Это же обстоятельство помогает уточнить время жизни Нумения. Коль скоро он повлиял на Гарпакратиона, который учился также и у Атика, то время расцвета его деятельности можно поместить в районе 176 г. Большинство исследователей принимает, что его *акме* можно поместить около 150 г., в таком случае он окажется современником Тавра и Альбина и немного младше Никомаха, и ничто на первый взгляд не противоречит такому предположению. Самым ранним автором, который упоминает его, является Климент Александрийский (*Строматы* I, 150, 4). Удовлетворительный *terminus post quem* установить не удастся. В доксографической традиции Нумений регулярно упоминается вместе с неким Кронием, который называется его другом (*hetairos*) и никогда учеником. Не исключено, что именно этому Кронию посвящен рассказ Лукиана о смерти Перегриня, написанный в 165 г. Этим обстоятельством не следует пренебрегать, ведь, по сообщению Лукиана, Кроний очень хотел услышать о Перегрине, который жил по большей части в Сирии, и то, как Лукиан обращается к нему, указывает на его платонические склонности. Такое отождествление дает нам всего лишь дату, не более, но и это хорошо.

Нумений и Кроний упоминаются Лонгином (у Порфирия в *Жизни Плотина* 20), как завершители линии пифагорейцев, которая начинается с Трасила и продолжается в лице Модерата, «чьи труды уступают в тщательности сочинениям Плотина». Опять же сообщается немного, однако помогающее, по крайней мере, поместить Нумения в подобающий контекст.

Перейдем к сочинениям Нумения. Здесь информации больше, хотя до нас дошли только фрагменты. Большая часть из них сохранена Евсевием (*Приготовление к Евангелию*), кроме этого существует один большой фрагмент из Халкидия, несколько ссылок у Оригена и довольно много кратких фрагментов в неоплатонических текстах, по преимуществу, у Прокла. Вполне возможно, что Халкидий испытал большое влияние Нумения и использовал его труды, по крайней мере косвенно, в остальной части своего комментария на *Тимей*.

Основным философским трактатом Нумения было сочинение *О Благе*, по крайней мере в шести книгах, в которых рассматривалось учение о первопринципах, то есть, о Бытии или Благе, в форме диалога между рассказчиком (которым, очевидно, был сам Нумений) и неким «чужеземцем», который, по крайней мере в сохранившихся фрагментах, говорит очень мало, ограничиваясь просьбами прояснить то или иное суждение и ответами на простые вопросы. Возможно, что такое обобщение, базирующееся на небольшом количестве данных, опасно, однако создается впечатление, что мы имеем дело скорее с трактатом в духе *Герметического корпуса*, нежели диалогом в смысле Платона. Ученик склонен соглашаться со всем сказанным не более чем, скажем, Теэтет в *Софисте*, однако тон самого рассказчика гораздо более иератичен, нежели тон главного

персонажа в любом из платоновских диалогов, за исключением, разве, Тимея в одноименном диалоге, который, впрочем, диалогом и не является. Рассказчик в трактате *О Благе* весьма напоминает Гермеса, инструктирующего Тата.

Однако Нумений связывается обычно не с герметическим корпусом, а с другим примечательным продуктом второго столетия – *Халдейскими оракулами*. Этот документ был составлен при совершенно неясных обстоятельствах неким Юлианом, жившем в правление императора Марка Аврелия, то есть примерно во времена Нумения. В этих оракулах современная им платоническая и пифагорейская доктрина находит курьезное воплощение в форме псевдо-гомеровских (гекзаметрических) виршей. Особенно интересны две параллели: между фр. 16 и 17 Нумения и фр. 8 и 7 *Халдейских оракулов*, соответственно.

Предмет и тон этих пассажей весьма схожи, однако с уверенностью невозможно сказать, что один повлиял на другой или наоборот. Известно тем не менее, что Нумений в своем учении уделял большое внимание учениям брахманов, иудеев, Магов и египтян (фр. 1), доказывая, что по сути их учения согласуются с тем, чему учили Платон и Пифагор. Таким образом, он наверняка с радостью принял бы такой текст, как *Оракулы*. Если посмотреть на это дело с другой стороны, Юлиан, хотя он и отводит себе скромную роль глашатая древних богов, был наверняка подвержен влиянию современного ему платонизма. Наконец, существует и третья возможность: и *Оракулы*, и Нумений подверглись влиянию того направления мысли, которое составляет своеобразное подводное течение тогдашнего платонизма, и в котором слились пифагорейские, гностические и герметические элементы.

Кроме диалога *О Благе*, Нумению принадлежало сочинение *О нетленности души*, по крайней мере в двух книгах (фр. 29). Все, что мы знаем об этом, сводится к замечанию Оригена, что Нумений прибегает к различным невероятным сказкам, дабы доказать свою основную идею. Возможно, однако, что серия высказываний у Прокла (фр. 39, 40) и Ямвлиха (*О душе* = фр. 41–43) также происходят из этого текста. Еще одно сочинение, озаглавленное весьма многозначительно *О позорном, согласно Платону*, упоминается только в одном фрагменте, содержание которого скорее разочаровывает: там говорится лишь о том, что персонаж одноименного диалога Евтифрон введен для того, чтобы представить популярные верования афинян. Само по себе это не очень интересно, однако может служить указанием на то, что уже Нумений начал тот систематический анализ смысла вступлений и персонажей платоновских диалогов, который получил впоследствии значительное распространение у неоплатоников. Однако нет никаких свидетельств о том, насколько далеко он продвинулся в этом направлении. Возможно, что его истолкование смысла битвы между Атлантами и Афинянами (*Тимей* 23d сл.) как конфликта между благородными душами, управляемыми Афиной, и всеми остальными, подверженными рождению и подчиняющимися Посейдону, который и отвечает за возникновение (ар. Procl. *In Tim.* 176, 30 sq. Diehl = фр. 37), происходит не из

комментария на *Тимей*, как это обычно принимается без каких-либо явных доказательств, а из этого сочинения.

Напротив, экзегесис мифа Эра из *Государства*, о котором сообщает Прокл в *Комментарии на «Государство»* (фр. 35), скорее всего, был отдельным сочинением, как на это явно указывает сам Прокл, называя Нумения комментатором этого мифа (*In Rep.* II 96, 11 sq. Kroll). Я полагаю также, что истолкование Нумением смысла Пещеры Нимф в *Одиссее* XIII, которое сохранил Порфирий в одноименном сочинении (фр. 30–33) также может происходить из комментария на миф в *Государстве*, поскольку в фр. 35 между ними устанавливается связь.

Упомянуты еще три названия сочинений Нумения, от которых не дошло ни одного фрагмента: *Еропс* (или *Удод*), *О числах* и *О месте* (*topos*). Ориген (*Против Кельса* IV.51 = фр. 1с) перечисляет их как работы, в каждой из которых, как и в трактате *О Благе*, Нумений дает аллегорическое толкование писаний Моисея и пророков. Название *Еропс* является, вероятно, указанием на *ерортеиа*, мистическое видение, доступное посвященным в таинственные ритуалы, что предполагает откровение тайных доктрин. Трактат *О числах* был, несомненно, очерком пифагорейской нумерологии, подобной той, что мы видели у Никомаха. Что касается названия *О месте*, то, несмотря на почти аристотелевский заголовок, слова Оригена убеждают нас в том, что речь там снова идет о каких-то аллегориях Ветхого Завета, о которых мы можем только гадать.

Большой фрагмент из *Комментария на «Тимей»* Калкидия (гл. 295–299) касается, в основном, учения Нумения о материи и может происходить из специального сочинения на эту тему, хотя ничего подобного не сообщается. Имеется также несколько указаний на то, что Нумений написал нечто специально о природе различных Богов: Сераписа (фр. 53), Аполлона (фр. 54), Ягве (фр. 56), Гермеса и Майи (фр. 57) и Гефеста (фр. 58), однако, опять же, нет никаких подтверждающих это свидетельств.

Наконец, благодаря Евсевию до нас дошли значительные фрагменты из примечательного полемического сочинения *О неверности Академии Платону*, в котором рассматриваются воззрения членов Новой академии от Аркесилая до Филона из Ларисы (с заключительным выпадом против Антиоха за его увлечение стоицизмом), где с известной долей горячности Аркесилай обвиняется в том, что своим нефилософским подходом он обедняет истинный платонизм. Наиболее удивительным является пример с Лакидом, который, даже поймав с поличным одного из своих рабов и уличив его в воровстве, продолжает практиковаться в воздержании от суждения (*еросхе*). Карнеад также подвергается бескомпромиссному разбору. Нумений безжалостно критикует стоиков и отказывает Антиоху в признании за ним чести возрождения традиций Древней академии, которая (от Спевсиппа до Полемона) оставалась, как он полагал, верной Платону. Заканчивается ли очерк Нумения на Антиохе, сказать трудно, однако Евсевий доводит свои выдержки только до этого автора. Я предпочитаю считать, что Нумений действительно заканчивает на Антиохе, что является

ся одновременно хорошим подтверждением того, что после Антиоха и его непосредственных последователей, по мнению Нумения, Академия прекратила свое существование. Сам по себе этот полемический ход радует, хотя содержание сказанного следует принимать *cum grano salis*. Это интересно, поскольку раскрывает перед нами другую сторону личности Нумения, отличную от той, которая вырисовывается в трактате *О Благех*. Оказывается, Нумений был законченным полемистом, употребляющим в пылу спора словечки, достойные Аристофана. Не случайно некоторые исследователи считали, что история о Лакиде и его рабе прямо заимствована из Новой комедии. Однако такое допущение излишне. Подобному рассказу скорее место среди многочисленных анекдотов эллинистической историографии, множество примеров которых мы находим у Диогена Лаэртия. Не стоит лишать Нумения права добавлять в это собрание свои истории.

Нумений является замечательной фигурой, о которой, к сожалению, мы знаем слишком мало. В своем учении он соединяет различные, порой несоединимые, направления, такие как платонизм, пифагореизм, герметизм, гностицизм, зороастризм и иудаизм. В его лице некоторые «подводные течения» в платонизме приобрели определенную философскую респектабельность. Пифагорейский платонизм в духе Нумения, при посредстве загадочного Аммония Саккаса, оказал влияние на Плотина и поздний платонизм.

Знал ли Нумений Филона – это менее чем ясно, однако он был знаком с методом аллегорического толкования Пятикнижия (фр. 1), и если принять, что некоторые из пассажей *Комментария на Тимей* Халкидия, где упоминаются *hebraei*, занимающиеся таким толкованием (например, гл. 250–256, о снах; гл. 219, о составе души), действительно принадлежат Нумению, это приблизит его к Филону еще сильнее². Как бы там ни было, следует признать, что это допущение слишком спекулятивно. Кроме того, признавать за Нумением роль посредника между Филоном и Плотиним, как это пытаются сделать некоторые исследователи, значит приписывать Филону слишком много оригинальности. Филон, как мы видели, испытал очень большое влияние со стороны современного пифагореизма и платонизма, следовательно, только отрывочность нашей информации могла подвигнуть некоторых авторов на то, чтобы вывести его в качестве оригинального мыслителя, внесшего самостоятельный вклад в платонизм.

Попытки доказать, что Нумений сам был иудеем, также уводят в сторону. Совсем не обязательно быть иудеем, чтобы в Сирии второго века иметь возможность ознакомиться с еврейскими и христианскими писаниями. Нумений отзывается об иудейском Боге с почтением (фр. 56), говоря, что он «не допускает причастности к себе (*akoionetos*) и отец всех богов, не позволяющий никому быть причастным его славе», что является явной аллюзией на первую заповедь, однако такой позиции мог придерживаться любой доброжелатель-

² См. в этой связи статью: Waszink 1940.

ный к варварам и синкретично мыслящий философ, каковым, несомненно, являлся Нумений.

Что касается его места в пифагорейском движении, прежде всего следует заметить, что такие, как он, ни в коей мере не рассматривали себя в качестве принадлежащих к какому-либо движению. Ни один из них (по крайней мере, в сохранившихся текстах) не ссылается на других, принимая или критикуя их воззрения. Следовательно, естественно рассматривать всех их скорее как отдельных мыслителей, нежели как школу. В общем спектре неопифагорейских мнений Нумений, в отличие от его непосредственных предшественников, таких как Евдор или Никомах, является дуалистом, что приближает его стиль философствования к традиции, заданной Древней академией. Однако древние пифагорейцы рассматривают диаду как пассивный принцип, подчиненный монаде, в то время как у Нумения мы встречаемся с вариантом радикального дуализма, возможно, сформировавшегося под влиянием идей персидского происхождения, в той же мере, в какой это можно видеть у Плутарха.

В век сухой схоластики и софистической риторики Нумений выглядит как человек, который одновременно и имеет сказать нечто новое, и знает как это сделать. Выдержки из его трактата *О Благех*, сохраненные Евсевием, на многих страницах демонстрируют живую игру воображения, а его «история» Новой академии не уступает по саркастическому заряду Лукиану, являя собой острое остроумия в общем море скуки.

2. КРОНИЙ

О «спутнике» Нумения Кронии мы знаем много меньше, чем о самом Нумении, и он очевидно не является столь же значительным мыслителем; однако его имя встречается в числе тех авторов, которых читали в кругу Плотина (Порфирий, *Жизнь Плотина*, 14), поэтому он заслуживает краткого упоминания. Как уже отмечалось, вполне возможно, что это тот самый Кроний, к которому обращается Ликиан в своем рассказе *Смерть Перегрины*, написанном в 165 г. Лукиан приветствует своего друга вполне в платоновском духе – *eu prattein*, однако в самом рассказе, к сожалению, нет ничего такого, что могло бы служить дальнейшим подтверждением этой гипотезы. Как бы там ни было, имя это довольно редкое.

Единственным сочинением Крония, название которого нам известно, является трактат *О реинкарнации* (упомянутый Немесием Эмесским, *О природе человека*, р. 116, 3 sq. Matthei), в котором он отрицает метемпсихоз в животных. Кроме того, его цитирует Порфирий в своем сочинении *О пещере нимф* и Прокл в качестве истолкователя смысла «брачного числа» (*In Rep.* II 22, 20 sq. Kroll) и мифа Эра из *Государства* (II 109, 7 sq.). В первом из этих мест он представлен как критик тех стоиков, которые утверждают, что мир разрушается огнем. Огонь, говорит он, не в силах разрушить все сущности, что доказывает, например, асбест или «каристианский камень». Он также утверждает, что пропорция мужчины к женщине составляет 10 000 к 7 500, в чем состоит смысл «двух гармоний» в *Госу-*

дарстве 546 с. В другом пассаже говорится, что Эр должен был действительно существовать, поскольку он был учителем Зороастра, (поддельная) работа которого существовала и легла в основу платоновского мифа. Не ясно, однако, составил ли он формальный комментарий на этот диалог.

Кроме этих аллегорий, нам известно немного о его учении о душе, которое находится в согласии с учением Нумения. Ямвлих дважды (*О душе*, р. 375, 12; 380, 6 sq. Wachs.) упоминает его вместе с Нумением в связи с проблемами происхождения злой души (из материи) и нисхождением души в тело (как несомненного несчастья). Очевидно, что он следовал Нумению и, вероятно, комментировал работы последнего. Его отношение к Нумению напоминает связь между Альбином и Гаем, за исключением того факта, что Нумений опубликовал свои сочинения, а Гай нет.